

Только что в издательстве «Советский композитор» вышла книга «Д. Шостакович о времени и о себе», составленная преимущественно из высказываний композитора в печати обо всем, что его волновало. Мы предлагаем вниманию читателей два отрывка из этой книги, не публиковавшиеся ранее.

Из интервью американскому телевидению

Я не согласен с такой точкой зрения, что наши концертные залы стали музеями и что симфоническое творчество как бы, так сказать, ушло в прошлое и уже не имеет каких-то перспектив в будущем. Это неверно. За последнее время появилось немало прекрасных симфонических произведений. Я бы хотел назвать произведения Сергея Прокофьева, Бенджамина Бриттена, болгарского композитора Любомира Пипкова. Наши советские композиторы отдают много внимания симфоническому творчеству. Может быть, я не прав, но мне кажется, что такого рода размышление о том, что симфония стала некоей архаикой, что она устарела, исходит, может быть, от тех композиторов, которые не умеют написать симфонию и объясняют свое неумение такими псевдоучеными суждениями по поводу того, что, дескать, симфония умерла и довольно с ней возиться.

Мне кажется, что всякое музыкальное произведение является формой личного выражения его автора. Так происходит и с самыми величайшими симфоническими произведениями, вроде Девятой симфонии Бетховена, которая является личным отношением Бетховена ко всем идеям, заложенным в этом удивительном произведении. Если произведение не выражает личной точки зрения композитора, личных его взглядов, оно не может, по-моему, даже появиться на свет. Вот таковы мои мысли.

В Пятнадцатой симфонии нет определенной программы. Есть такие, может быть, не очень точные образы; я сам сказал, что первая часть — это вроде как бы происходит в игрушечном магазине. Но считать, что это очень точное определение, хотя я это и сам сказал, может быть, и не стоит. Что касается цитат, которые там я использовал, — из «Вильгельма Телля», из «Кольца нибелунга» Вагнера. ...Менее известный, так сказать, слушателем романс Глинки «Сомнение» я использовал в четвертой части. ... Меня спрашивают: почему ты так это сделал? Вот не знаю, мне показалось, что это необходимо было. У меня большой композиторский стаж, я много и давно сочиняю, но, право, до сих пор не могу точно объяснить, почему я это сделал так, а это сделал этак. И хотя я по своим убеждениям не фантазер, что ли, а реалист, но считаю, что многое, конечно, в вопросах творчества является необъяснимым, понимаете. В том числе, почему я взял эти отрывки в

ОТ ПЕРВОЙ НОТЫ

Пятнадцатую симфонию, очень точно не смогу объяснить.

Что такое есть творческий процесс? Иногда мне совершенно ясно, когда я пишу первую ноту, какая у меня будет последняя нота. Но иногда я пишу первую ноту и не знаю, какая у меня будет десятая, какая будет пятидесятая и какая будет последняя. Иногда бывает и так. Однако же Пятнадцатая симфония мне как-то очень ясна была, как она должна получиться, что ли, мне это было довольно ясно. Я очень много над ней работал, вот буквально и днем и ночью, и с большим увлечением работал, и, как ни странно, я ее писал в больнице, потом вышел из больницы — писал на даче, понимаете, но оторваться от этого совершенно не мог. Это одно из тех произведений, которое просто очень меня захватило, и как-то действительно, может быть, одно из немногих моих сочинений, которое мне показалось ясным от первой до последней ноты, понадобилось только время, чтобы это записать.

Я быстро всегда работаю. Я долго думаю, у меня бывают большие перемены, но я работаю быстро. Это, вероятно, мой недостаток, потому что я прохожу иногда мимо, (когда) что-то не выходит. Я пишу, в общем, сразу партитуру. Маленькие наброски иногда так делаю, но пишу сразу партитуру.

Крайне трудно говорить о своей собственной роли в XX веке. Если какой-то след останется там, в XX веке, от моей музыки, то я буду, конечно, счастлив. Я никогда не думал о том, что моя музыка играет какую-то очень

большую и особую роль в XX веке; я об этом не думал и, вероятно, не буду думать. Я только что ряду моих коллег по музыке вот здесь, в Чикаго, сказал, что я люблю все свои сочинения. Но, действительно, разве можно писать какое-нибудь сочинение, не любя его. Но тем не менее я очень хорошо вижу недостатки и стараюсь в следующих моих произведениях их избежать. А роль моя в XX веке, в 40-х ли там годах, 50-х, я не знаю какая. Если моя музыка на кого-то производит впечатление, мне это радостно. Я когда-то был пианистом и выступал публично, играл не только свои сочинения, но и чужие. Я очень чувствую аудиторию. Часто бывает так, что я сижу и слушаю свое собственное произведение и слышу, что мои мысли отскакивают от слушателя, как горох от стены, а иногда чувствую, наоборот, такой контакт, понимаете. Это очень полезно, между прочим, что я учился играть на фортепиано и что выступал публично. Для моих занятий по композиции это принесло большую пользу. Я — слуга своих слушателей, стремлюсь к этому.

...Я думаю, что всегда трудно спорить с музыкантом — критиком или композитором, — который так или иначе относится к своим сочинениям. Мне очень трудно оспаривать. Если он так думает, значит, такова его точка зрения. Мне трудно спорить с оценками, которые даются моим сочинениям критиками ли, моими коллегами — композиторами ли. Я к ним очень внимательно прислушиваюсь, и если это добросовестная критика, то всегда можно из нее много полезного для себя почерпнуть.

Хорошие критики, конечно, нужны обязательно, понимаете. Хорошая критика, она может хорошо влиять и на широкую массу слушателей.

Иногда так бывает. Великий русский писатель Чехов не любил критиков и писал, что писатель — это есть трудовая такая лошадь, которая везет трудный и тяжелый воз. А критик — это такой слепень, который кусает его вот сюда и мешает ему работать. Вот, может быть, такие критики были и бывали, но, к счастью, их в наше время становится все меньше и меньше, и я, пожалуй, не знаю, кого бы можно было вот так же упрекнуть, как Чехов упрекал. Все, что обо мне пишут, я читаю очень внимательно.

Конечно, что-то я заимствую, несомненно. Я много заимствовал в русской народной музыке, украинской, немецкой, итальянской, да вот, может быть, весь земной шар придется. ... Например, считается, что мой Первый фортепианный концерт под большим влиянием американской народной музыки написан. Я слушал много народной музыки, и она на меня, конечно, влияет. (1973 г.)

Из выступления по радио

Советская музыка — явление во всех отношениях новаторское как в историческом, так и в художественном плане. Ее облик складывался исподволь, обретая в творчестве различных композиторов яркую характерность, своеобразие. Развитие музыкальных культур советских народов совершалось как бы в двух направлениях: в глубь собственной народности — в постижении ее развития, в профессиональном творчестве, в познании несметных сокровищ национального искусства — и вширь — в идейности, в глубине содержательности творчества, в стремлении придать национальным элементам музыки общечеловеческий, интернациональный смысл. Одновременно совершался, а ныне стал особенно интенсивным процесс взаимовлияния, взаимобогащения различных национальных композиторских школ. Постоянное общение, братская дружба музыкантов наших республик создают богатейшую питательную почву для творчества.

Мы живем в сложном, бурном, стремительно меняющемся мире. Этот мир сотрясает социальные катаклизмы. Он весь пронизан острейшей идеологической борьбой. Все это по-своему отражается на развитии современного искусства. В нем противостоят различные творческие тенденции, созидательные и разрушительные. Думаю, что в этом процессе оздоровления мирового искусства советская музыка, как это уже было и раньше, сыграет первостепенную роль. (1972 г.)